

ЗВУКОЗАПИСИ БЕЛОРУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА КАК ТЕКСТ

В.В. Старикова

кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры народно-инструментального творчества

*УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

На протяжении XX в. был накоплен значительный по объему фонд звукозаписей, в котором представлены образцы белорусского музыкального фольклора с 1908 года. В современном мире фиксирование музыки на фоно и видеоносителях, оперативные возможности компьютера в любых видах работы со звуком принципиально изменили многие параметры музыкальной культуры, в частности, фиксация музыкального фольклора.

Весь массив звукозаписей белорусского музыкального фольклора, собранного и зафиксированного на протяжении XX века является частью нематериального культурного наследия. Какие же возможны пути расшифровки этого массива фонодокументов?

Многие исследователи музыки академической традиции обращаются к изучению звукозаписи как одной из *форм фиксации нотного текста*. Более того, подобная точка зрения позволяет трактовать звукозапись музыкального произведения как своеобразный текст, документ, имеющий специфическую форму фиксации.

Существует устойчивое представление, что между системами нотации и звукозаписи имеются непреодолимые барьеры, порожденные принципиальной непереводимостью аналоговой записи в нотную форму, а также несовместимых подходов к фиксации музыкального фольклора. Нотная запись развивалась как условный и конвенциональный способ описания звукового объекта. Физическая фиксация звука начиналась с разработки так называемых аналоговых методов.

Разрешение проблемы примирения этих двух принципов записи Е. Аронова видит «в автоматическом переводе звукозаписи в нотацию с возможностью последующего воспроизведения музыкального произведения человеком без участия приборов и в реальном акустическом звучании» [2, с. 20].

В 60–70-е годы XX в. распространение получили методы исследования, построенные на использовании электроакустических приборов. Так, Е. Назайкинский и Ю. Рагс утверждают, что «<...> в некоторых отношениях слух уступает приборам-анализаторам» [147, с. 4]. По их мнению, современная аппаратура дает более точные данные. Это относится, в первую очередь, к анализу таких элементов музыкального звука, как высота, сила звука и тембр.

С целью воссоздания текстов и изучения исполнительского стиля А. Скрябина российский исследователь П. Лобанов использует так называемую «аппаратную» методику. Предметом рассмотрения здесь обычно

становятся звуковысотные и темпо-ритмические особенности авторской исполнительской версии музыкального текста сочинения. Для их изучения привлекается известный способ звукорежиссерской разметки магнитофонной ленты [3–4].

С другой стороны, Е. Аронова утверждает, что «музыку, записанную аналоговым способом, «перевести» в нотную запись без участия человека, с помощью каких-либо средств автоматизации принципиально невозможно» [2, с. 242–243]. И далее: «Чтобы выполнить эту операцию, нужен человек, который шаг за шагом расшифровал бы запись по слуху» [2, с. 243]. В этом случае возможность многократного прослушивания тождественных исполнений способствует определению «закономерностей, не полностью выявленных при предыдущих прослушиваниях. В подобных случаях развивается «опережающее отражение» [2, с. 144].

Схожую позицию высказывает Э. Алексеев: «Все чаще предпринимаемые попытки машинного анализа звучащих текстов пока что значительно уступают нотациям в простоте, наглядности и представительности подлежащей осмыслению информации» [1, с. 41].

Обращаясь к возможности перевода текстов из разных видов сохранения, С. Петриков признает возможность перевода без известных потерь из памятного в письменно-символический, а из него – в звуко-репродукционный (технический) способ хранения, но считает не всегда возможным обратный перевод, поскольку более поздние способы сохранения вызваны техническим прогрессом музыкального мышления [6, с. 61]. Определенное противоречие присутствует в высказывании автора, когда в дальнейшем С. Петриков, оговаривая специфичность соответствующей расшифровки звукозаписи, все же указывает на потенциальную возможность перевода музыкального текста из третьего способа хранения во второй.

Особый интерес представляют предлагаемые современными учеными методики анализа исполнительской интерпретации по звукозаписи.

В 1970-е гг. О. Сахалтуева и Е. Назайкинский предложили методику сравнительного анализа исполнительских средств с использованием графиков, фиксирующих агогические, динамические и интонационные особенности исполнения. По мнению авторов, для сравнительного анализа исполнительских интерпретаций первой задачей является последовательное описание исполнительских вариантов произведения, что станет основой для сравнения и выявления различия и общности закономерностей, а также их взаимосвязей и соотношений [7, с. 83].

А. Соколов предлагает для сопоставления использовать три текста одного произведения: «графический (нотный), акустический (зафиксированный на магнитной ленте) и вторичный графический, предоставляемый ему прибором» [8, с. 188–189]. В отличие от О. Сахалтуевой и Е. Назайкинского, автор акцентирует внимание на присутствии звукорежиссера, который «<...> при записи <...> фактически выступает в роли еще одного интерпретатора-ретушера, «вытягивая» или «затушевывая» отдельные элементы» и самой звукозаписывающей аппаратуры как факторов, влияющих на конечный

результат: «...по звукозаписи невозможно установить абсолютный уровень громкости» [8, с. 190].

В отличие от представителей академической музыки, в среде которых не сформировалось устойчивого и обобщающего представления относительно перевода звукозаписи в текст пятилинейной нотации, принципиально иную позицию занимают этномузыковеды. Внедрение в практику экспедиционной и последующей аналитической работы музыкантов-фольклористов звукозаписывающей аппаратуры и разработка научной методики нотации звукозаписи сделало еще в начале XX в. доступным нотирование образцов любой музыкальной культуры и явилось основой практического этномузыковедения.

Безоговорочно за возможность перевода звукового текста в традиционный нотный выступает представитель российской этноинструментоведческой школы Э. Алексеев, при этом оговаривая важность того, чтобы « <...> результаты относились к той же самой культуре, из которой были взяты исходные тексты, чтобы основные свойства и содержательные «параметры» исходных и результирующих звучаний совпадали» [1, с. 43]. И далее: «<...> нотный текст должен быть не просто фиксацией определенной последовательности звуков, но *отражением глубинных содержательных структур*» [1, с. 43].

Очевидным является то, что исследование звукозаписей музыкального фольклора основывается, в первую очередь, на слуховом анализе ее как одного из способов фиксации музыкального текста, что позволяет нематериальное культурное наследие фиксировать, расшифровывать для широкого распространения с целью его дальнейшего сохранения.

1. Алексеев, Э.А. Нотная запись народной музыки: теория и практика / Э.А. Алексеев. – 1-е изд. – М. : Сов. композитор, 1990. – 168 с.

2. Аронова, Е.К. Проблемы фиксации музыкального произведения в контексте современных информационных процессов : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 / Е.К. Аронова ; Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки. – Новосибирск, 2001. – 302 л.

3. Лобанов, П.А. Н.Скрябин – интерпретатор своих композиций: (Анализ авторского исполнения методом объективной расшифровки записей на Вельте-Миньоне и Фоноле) / П.А. Лобанов. – М. : Ирис-пресс, 1995. – 119 с.

4. Лобанов, П. Расшифровка звукозаписи в анализе творчества пианистов / П.В. Лобанов // Ученые записки / Гос. учр. культуры. Мемориальный музей А.Н. Скрябина. – М. : Сорек-полиграфия, 2002. – Вып. 4. – С. 126–134.

5. Назайкинский, Е. О применении акустических методов исследования в музыкознании / Е. Назайкинский, С. Рагс // Применение акустических методов исследования в музыкознании : сб. ст. / под ред. С. С. Скребкова. – М. : Музыка, 1964. – С. 3–17.

6. Петриков, С.М. Текстуальное музыкальное мышление (синтаксический интегрирующий аспект) : исследование / С.М. Петриков. – Бийск : НИЦ Би ГПИ, 1993. – 626 с.

7. Сахалтуева, О. О взаимосвязях выразительных средств в музыкальном исполнении (на примере анализа пьесы Р. Шумана «Грезы») / О. Сахалтуева, Е. Назайкинский // Музыкальное искусство и наука : сб. ст. / под ред. Е.В. Назайкинского. – М. , 1970. – Вып. 1. – С. 59–94.

8. Соколов, А. К проблеме анализа исполнительской интерпретации как формы существования музыкального произведения / А. Соколов // Проблемы организации музыкального произведения : сб. науч. тр. / Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского ; отв. ред. М.А. Смирнов.– М. , 1979. – С. 179–198.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ